

Капитан Мишель и другие военные

Из книги «Страшная месть ефрейтора Шварцмана»

Капитан медицинской службы Михаил Леонтьевич Криволап, начальник лазарета 441-го зенитно-ракетного полка, прибыв в полк из командировки с эшелоном призывников, неожиданно исчез из поля зрения начальства на трое суток. Так же неожиданно появившись, в весьма помятом виде и с солидных объёмов «выхлопом», он со смиренным видом принял заслуженные «фитили» от начмеда и начальника штаба и приступил к своей обычной работе.

А вот свою-то повседневную работу бравый капитан (по жизни любитель экстремальных развлечений и эпатажного поведения) не особенно жаловал, вполне справедливо считая её скучной и рутинной и при каждом удобном случае переваливая её на нас — фельдшеров, солдат срочной службы. Но мы особенно не обижались — капитан Мишель (так все в нашем полку его звали, за глаза конечно) был мужиком незаурядным, неисчерпаемым источником остроумия и экстравагантных поступков. Был в нём некий шарм, позволявший ему избегать серьёзных последствий своих подвигов. Его широкая натура не вписывалась в жёсткие рамки армейской гарнизонной службы, и начальство старалось его запихивать с глаз долой — то на целину, то на полигоны, то в сопровождение эшелонов, то в командировки по пограничным дивизионам... Мишель относился к категории «пятнадцатилетних капитанов», и командиры полка (а он пережил четверых) не раз то представляли его к званию майора, то грозились разжаловать до старшего лейтенанта — в зависимости от результатов его походов. Круче Мишеля был в этом отношении только «старший лейтенант Советского Союза» запойный алкоголик Коля Лескив из седьмого дивизиона (тринадцать лет «старшелейтенантского» стажа!), отец которого закончил службу в Отечественную старшим лейтенантом, а дед в Первую мировую — поручиком.

Вообще-то Михаил Леонтьевич был мужик весьма и весьма неглупый — в своё время он с отличием закончил морской факультет Военно-медицинской академии и был направлен начальником медслужбы на один из новых тогда черноморских эсминцев-«тридцаток-бис». Он был чемпионом Черноморского флота по лёгкой атлетике, активным комсомольцем и просто счастливым молодожёном. Но грянуло хрущёвское сокращение, эсминец пошёл на слом, а лейтенант Криволап

был скоропостижно обут в сапоги и направлен вместе с рыдающей женой в зенитно-ракетные войска на Дальний Восток.

С тех пор Мишель тихо взбунтовался и возложил на службу приличных размеров болт. В знак протеста против пехотного засилья он всегда носил тельняшку и повсеместно применял заковыристые морские словечки.

Впрочем, в части было много офицеров, переведённых в ЗРВ из флота и береговой артиллерии, и все они поголовно носили тельняшки и тихо тосковали по морю. Кипучая натура Мишеля могла бы полностью развернуться где-нибудь на войне, однако (к нашему счастью) войн поблизости не было. Он постоянно где-то разъезжал, но его редкие появления в части всегда сопровождались всякого рода событиями и приключениями. Вот лишь некоторые из историй его подвигов.

НА ПРИЁМЕ

Конец ноября. Между сопок дует промозглый ветер с Японского моря. Холодно и сыро. Мы с капитаном сидим на приёме больных в полковом медпункте. Мишель, облачённый в белый халат, выглядит непривычно серьёзным, кучерявая неуставная причёска задорно вылезает из-под колпака. Он задумчиво смотрит в окно на казарму, откуда должны появиться «больные и увечные воины», жаждущие сострадания и медицинской помощи. Неожиданно его взгляд оживляется: из казармы вывалила кучка солдат в шапках и одних гимнастёрках и бодрой рысью, громяхая подковками по асфальту, шустро понеслась в сторону медпункта.

— Ага, попёрли, с-симулянты хреновы! Вот смотри и учись: сейчас каждый из них будет жалобно кашлять и непременно прихрамывать на правую ногу. Это, брат, моё личное наблюдение на грани кандидатской диссертации. Я этих орлов насквозь вижу. Шоферня из автороты, мля, не желает в караул идти. Но пара человек, не больше, — те точно больные. Ну-с, вот и поглядим кто кого... Я им, мля, покажу, как старого военного доктора дурить! Сколько служу — ни хрена не меняется!

Входит бравый белобрысый сержант, дежурный по роте, с книгой записи больных под мышкой. Руку под козырёк, лихо рапортует:

— Тащщ ктан! Больные в количестве восьми человек доставлены! Дежурный по роте сержант Теребилов!

— А ты случайно не армянин?

— Нет, русский, вятский! С Уржума я, деревня Теребиловка! А с чего это вы взяли, товарищ капитан, про армянина-то?

— Да, вишь, были у нас как-то в части несколько армян. Тер-Гуксян, Тер-Маркарян... Вот и ты тоже вроде как «Тер-», только не скажу какой! Ну ладно, давай своих доходяг...

Озадаченный сержант, оставив книгу, выходит.

Натужно кашляя в кулак и подволакивая правую ногу, заходит первый солдат, снимает гимнастёрку. Капитан суёт ему градусник и подчёркнуто внимательно слушает его фонендоскопом. Ничего, разумеется, не находит, температуры тоже нет.

— Ладно. Подожди в коридоре

Солдат выходит, прихрамывая уже на левую ногу. Мишель радостно подмигивает — один симулянт есть!

Входит следующий — снова надсадный сухой кашель, жалобный вид побитой собаки и попеременная хромота на обе ноги. Мишель его прослушивает и простукивает.

— Ты чего это, братец, так странно ходишь? Задница болит, что ли?

— Дык это... тоже маленько побаливает.

— Так, значитца, приступообразный кашель, плохое самочувствие, боль в заднем проходе опять же... Классический случай, коллеги! Все симптомы геморроидальной астмы налицо! Редкостная вещь в наших краях! Сам первый раз вижу... Стас (это уже мне), тащи сюда ректоскоп, глядеть в кишку будем.

Я вытаскиваю из шкафа устрашающего вида никелированную трубу ректоскопа (давно списанного и немного ржавого). Побледневший боец, оценив внушительный диаметр трубы и предстоящие приятные ощущения в заднице, испуганно спрашивает:

— А это ещё что такое? Зачем?

— Инструмент для чтения задних мыслей, мля! — злорадно говорит Мишель, с чувством хлопая резинкой перчаток. — Значит, так, воин, спускай штаны и ж...й — на Полярную звезду!

Солдат с истерическим воплем «Не надо!» вылетает в коридор.

— Вот видишь, и хромота сразу прошла, и кашля нет, — наставительно говорит мне Мишель, снимая резиновые перчатки. — А вот тебя бы он в два счёта надурил. Зелёные вы ещё...

Робко прихрамывая, входит Витька Ли — знакомый шофёр с хлебовозки. Сачок ещё тот, хотя и наполовину китаец! Но радикулит-то у него и правда есть. Витька, сощуриив хитрые узкие глаза, артистично войдя в образ страждущего, сразу начинает жаловаться на ангину, головные боли, спазмы в животе, ломоту в ногах и ещё на кучу всяческих болячек. Мишель, подперев подбородок рукой, с выражением

неискреннего сочувствия на лице рассеянно слушает, рисуя чертей на бланке рецепта.

— Слушай, Ли, как же ты в армию-то попал с такими болячками, ты же мне уже весь справочник врача рассказал, кроме гинекологии? Ты хоть ходить-то ещё можешь?

— Могу!

— Ну так и пошёл на ...! Будешь мне тут мозги засорять!

Ли пулей вылетает из кабинета.

Прошло ещё несколько солдат — кто с фурункулом, кто с ангиной (этого оформили в лазарет). Остальные понуро ждали в коридоре. Последний боец как-то робко пожаловался на головную боль.

— А это, братец, не ко мне, это к гинекологу, — наставительным тоном произнёс капитан. — Головная боль — это, братец ты мой, женская болезнь, а у нормального советского солдата может только башка трещать или жбан раскалываться. Вот тебе таблетка аспирина — и гуляй.

Мишель, выйдя с сигаретой в коридор, дал указания Теребилову: одного в лазарет, двоим освобождение от нарядов и работ на трое суток, остальных признать годными к строевой без ограничений — и к старшине за нарядами да в караул. Да ещё, сжалившись, дал для караула полупитровую банку «Гексавита»: ночью холодно, а съешь перед выходом на пост штук пять витаминок — и кожа начинает гореть от «никотинки», в аккурат на два часа хватает — старый солдатский приёмчик.

Амбулаторный приём окончен, и Мишель, с сознанием выполненного долга, направляется в аптеку — «накатить спиртику» с последующим снятием пробы на полковой кухне и отдохновением в свободной палате до обеда. А перед сном почитать пару страничек из своего любимого «Декамерона», заботливо упакованного в обложку от «Устава внутренней службы ВС СССР» — для пущей конспирации.

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ

Полковые офицеры-медики, наши отцы-командиры, были хорошими врачами и вполне нормальными мужиками. Хотя и весьма своеобразными.

Начмед, майор Кулешов, был в своё время сразу после института отловлен военкоматом где-то в подмосковной деревне, где он скрывался, и поставлен перед выбором: или немножко посидеть, или славно послужить. Как человек разумный, он выбрал второй вариант и без особой охоты отправился на Дальний Восток, в захолустную Промысловку.

Человек невозмутимый и гуманный, он спокойно тянул служебную лямку, философски относясь ко всякого рода военным заморочкам. Своим беспрецедентным доверием он ставил нас, солдат-срочников, в такое положение, что подвести его было просто немыслимо. Даже спирт доверял. Мы порой добросовестно сидели в санчасти, имея на руках по дюжине увольнительных с печатями и подписями и с открытой датой. Уважали майора и не хотели подставлять. А после службы дружно шли поступать в мединститут, чтобы стать такими же врачами.

Капитан Мишель — по жизни «пофигист» и мастер эпатажного поведения — проявлял чудеса хладнокровия во время экстремальных ситуаций. Мы с ним однажды по уши в крови помогали мужикам, придавленным перевернувшимся трактором, и там я увидел его настоящее лицо. Полнейшее хладнокровие и чёткие действия в условиях воплей и бабьих причитаний. Не смогли спасти только одного, с безнадёжно раздавленным углом кабины горлом.

Однажды к нам на пополнение прибыл ещё один оригинал. Врач-терапевт из солнечной Одессы Боря Зильберблюм, кучерявый весельчак и умница, с наивными книжными представлениями о военной службе, был призван на два года и отправлен на аэродром ПВО «Великая Кема» на побережье. На аэродроме базировался полк безнадёжно устаревших к тому времени истребителей МиГ-17, наспех переделанных в штурмовой вариант установкой НУРСов и бомбовыми подвесками. По замыслу наших стратегов, весь этот хлам должен был (в случае предстоящей войны) раздолбать лихим штурмовым ударом ближайшие вражеские аэродромы, причём горючего на обратный путь заведомо было в обрез, а брони не было вовсе. Шансов вернуться после налёта было бы немного. Поскольку в полку служили опытные пилоты, по каким-то причинам не попавшие в сверхзвуковую авиацию и прекрасно знавшие свои радужные перспективы, настроение у них было соответствующее.

Спирту в авиации всегда хватало, и народ пил, что называется, «по-чёрному». Ранее не пивший Боря после месяца службы вперемешку с пьянками впал в жуткую депрессию, а после двух месяцев службы попытался повеситься в туалете офицерского общежития. Был вовремя снят с верёвки, наспех приведён в порядок и срочно переведён к нам. От греха подальше.

С тех пор Боря возненавидел военную службу отчаянно и неистово. При звуке зычных командных голосов полкового начальства его начинало просто трясти от злости.

После окончания рабочего дня он переодевался в «гражданку» и немедленно сваливал из городка куда глаза глядят. Поскольку служить ему оставалось ещё полтора года, Боря начал подумывать, как бы от службы удалиться.

Добром — это вряд ли. Советская Армия как-то очень неохотно расставалась с офицерскими кадрами, пусть даже и с безнадёжными «пиджаками». Пити Боря уже физически не мог, второй раз повеситься — уже как-то не хотелось. Оставалось придумать что-нибудь неординарное.

И вот Боря, явно по чьему-то наущению (не иначе как хитромудрого Мишеля), начал вести себя неадекватно (по тогдашним офицерским меркам, конечно).

Взяв в библиотеке части не востребовавшийся десятилетиями пожелтевший том «Капитала» Маркса, Боря демонстративно начал его активное изучение, периодически наведываясь в политотдел для консультаций с офицерами, причём отлавливал первого попавшегося и настойчиво требовал разъяснить ему непонятные политэкономические термины. Он так достал начальника политотдела, что тот, завидев в окно штаба идущего Борю, запирался в своём кабинете и шёпотом матерился. А Борино заявление о вступлении в ряды КПСС с пафосными словами «очень хочу умереть коммунистом» прочно осело в его сейфе.

Поскольку параллельно с изучением «Капитала» Боря с демонстративным упоением читал и абсолютно неуместную в армии книгу «Двенадцать цезарей» Светония (постоянно таская её с собой), полковое начальство начало прозревать, что лейтенант медслужбы Зильберблум ведёт себя очень и очень странно. Вместо того чтобы в свободное от службы время, как все, пить водку и бегать по гарнизонным бабам, молодой офицер читает странные книжки и как-то странно выражается (в смысле — витиевато и без матов!).

Но окончательно командование прозрело, когда Боря в очередной приезд корпусного начальства попросил у полковника медслужбы Льва Абрамовича Танкелевича, по прозвищу Лёва-Танк, глядя на того по-детски наивными карими глазами, разъяснить ему непонятные места ленинской работы «Материализм и эмпириокритицизм». Ошарашенный такой борзостью, Лёва-Танк, крупный мужчина брутальной внешности, впал в ступор и начал заикаться. «Шибко умного» Борю шустро спровадили в госпиталь и через месяц тихонько комиссовали.

— Шиза косит наши ряды, — констатировал Мишель, глядя на радостного Борю, паковавшего чемоданы в офицерской общаге и щедро раздаривавшего предметы ненавистной военной амуниции.

— Кто бы сомневался, — хладнокровно сказал майор Кулешов. И оба понимающе ухмыльнулись.

Через месяц из солнечной Одессы пришло радостное письмо от Бори. Он намеревался жениться и продолжить врачебную карьеру в качестве микробиолога. С «шизой» (пусть и липовой) в терапевты не пускали — даже в Одессе-маме и даже по блату. А такой диагноз можно было снять только в институте Сербского в Москве, что и было успешно сделано через полгода.

Доктора тихо порадовались Бориному счастью и продолжили тянуть армейскую лямку дальше.

На замену прислали ещё одного лейтенанта — «двухгадючника», тот пил водку стаканами, открыто волочился за зубной врачихой и выражался, как биндюжник, — в общем, был, как все, нормальным молодым советским офицером.

А «Двенадцать цезарей» Боря оставил мне с дарственной надписью. Осилить её я так и не смог, вернее, не очень и хотел — побаивался. Кабы чего не вышло. Книга потом (через десять лет) здорово пригодилась одному морскому офицеру, старлею Сане, по кличке Румпель. Но это уже другая история.

ЛЮБОВНЫЕ СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ЛЁХИ

Лёха Болтиков, рядовой автороты, был крепко сбитым, налитым, как ядрёный гриб-боровик, парнем. На тугих щеках гулял румянец, карие глазки маслянисто поблёскивали. Ростом, правда, Лёха не удался — штык карабина, находившийся у солдата обычно на уровне пуговицы кармана гимнастёрки, торчал у него на уровне ушей. Да и нос картошкой явно не относился к украшающим его лицо частям.

Но по части женской в роте он числился в «страдальцах», ибо бьющие через край гормоны толкали Лёху на самые невероятные подвиги. Он возвращался из увольнений и «самоволок», еле волоча ноги.

Лёха любил и страдал — он страстно любил женщин и страдал от их недостатка. Беда его была в том что он, как все маленькие мужчины, любил очень крупных женщин — а вот они его, надо сказать, не очень жаловали.

На Лёхину беду, командир автороты, старший лейтенант Шаров, привёз из родной сибирской деревни жену Машу — женщину выдающихся женских достоинств. В смысле габаритов. Мясо-молочной породы!

Красавица Маша как будто сошла с плакатов про счастливую колхозную жизнь. Она с радостной белозубой улыбкой несла по гарнизону свой выдающийся бюст, плавно покачивая мощными бёдрами, мимо обалдевших военных, провожавших её плотоядными взорами и давившихся слюной. Её пристроили работать на склад КЭЧ, после чего посещаемость невзрачного сарайчика с банками краски возросла в несколько раз.

Однажды Маша, в легкомысленном ситцевом сарафанчике, облеплявшем все её достоинства, проплывала белой лебедушкой мимо солдат автороты, стоявших с оружием перед построением на развод караула.

Остолбеневший Лёха покрылся красными пятнами и замер, разинув рот, — рядом с ним, обдавая тёплым ароматом духов, проходил предмет его дерзновенных мечтаний и сладких утренних эротических сновидений. Этого он просто не мог вынести.

Из вдруг ослабевших рук вывалился карабин и, лязгнув штыком, задребезжал по асфальту. Солдаты дружно заржали, а Маша, обернувшись, насмешливо улыбнулась.

Раздосадованный Лёха поднял карабин, и неожиданно, изо всей дури, ткнул штыком в колесо стоявшей рядом пожарной машины. Штык пробил шину насквозь, воздух со свистом вышел, и «пожарка» накренилась набок, погнув штык. Лёху тут же сняли с караула, обматерили и с ходу определили на трое суток на полковую «губу» за порчу казённого имущества. Штык, правда, потом разогнули. Так он пострадал за любовь в первый раз.

Прошёл месяц. Авторота находилась в карауле. Лёхин пост был на складе химслужбы, который расположился у подножия сопки, совсем рядом с офицерскими домами, но немного выше их. Стемнело. В домах начал зажигаться свет, и Лёха вдруг увидел в одном ближайшем окне с незакрытыми занавесками переодевающуюся Машу. Мелькающие пышные женские прелести буквально потрясли бедного солдата, мощный гормональный поток тестостерона ударил по мозгам. Лёха взвыл и, с маху перескочив проволочное ограждение, рванул с поста к офицерскому дому. Прислонив карабин к стене, он вскарабкался к открытой форточке кухни и попытался влезть в неё. Но зацепился ремнём с подсумками и завис, наполовину находясь в кухне, в то время как нижняя половина отчаянно болтала сапогами снаружи. Впоследствии злые языки из автороты утверждали, что Лёха зацепился в форточке вовсе не ремнём, а одной из возбуждённых частей тела.

Зашедшая на шум в кухне Маша, увидев в оконной форточке красную от натуги Лёхину голову с выпученными глазами, на секунду

опешила, а потом пронзительно завизжала. Прибежавшим соседям предстала живописная картина из свисающего из форточки бойца и визжащей в ультразвуковом диапазоне на весь городок полуодетой Маши. Общими усилиями соседей Лёху выпихнули обратно, филейной частью прямо в объятия подбежавших караульных, которые и утащили его на гауптвахту.

Рыдающую Машу соседи едва отпоили валерьянкой. Ротный был на выезде, а то бы Лёхе несдобровать. Крутой был мужик ротный, да и кулак имел приличный.

Утром вся авторота была собрана на плацу перед штабом. Привели с «губы» Лёху, поставили перед строем. Комполка зычным голосом произнёс получасовую проникновенную речь, несколько малоинформативную и в печатном варианте состоявшую бы из одних предлогов и многоточий. Поскольку состояла из простонародных описаний мужских и женских гениталий, циничных способов их применения по отношению к Лёхе и сложных речевых конструкций на базе слова «мать». Кроме того, красочному описанию подверглось и Лёхино генеалогическое древо.

Суть речи вкратце сводилась к тому, что рядовой Болтиков (далее следовала его подробная служебно-политическая характеристика в сочных народных выражениях) возжелал супругу своего командира, что привело к оставлению вверенного ему поста, подрыву боеготовности части и войск противовоздушной обороны СССР в целом. А посему подобным типам место не в доблестном 441-м полку, а на гарнизонной гауптвахте и лучше до конца службы безвылазно.

По шеренгам автороты пронёсся вздох: на гарнизонной «губе» в Красных казармах в то время свирепствовал мичман по кличке Джага, именем которого пугали детей во всех военных городках. Его боялись даже офицеры, а на «губе» царили полный беспредел и тихий ужас.

Старшина роты с двумя солдатами затолкали понурого Лёху в грузовик и повезли на Угловую. После гауптвахты Лёху перевели в стройбат — от греха подальше. Так он пострадал за любовь во второй раз.

Через полгода я встретил Лёху в госпитале, где он в дерматологическом отделении залечивал сугубо специфическую болезнь, полученную при тесном общении стройбатовцев с разбитными доярками подшефного колхоза. Тяга к крупным женщинам мясо-молочной породы опять его подвела. Такая вот интересная была у Лёхи любовь.